

...история эта – о людях,
для которых работа стала религией.
Со всеми вытекающими отсюда последствиями:
кодексом порядочности, жестокостью,
максимализмом и божьим светом в душе.

Олег Куваев

Гнедой всхрапнул, попятился и, не слушая узды, потянул всю связку лошадей по горному склону.
– Кобель гнедой, – шамкая беззубым ртом, ругнулся Чифирик. – Куда тебя понесло? По ручью
ведь легче идти...

Однако ругань и нахлестывания не помогли. Жеребец остановился, широко вздувая ноздри, замер прислушиваясь и загнанно задышал. Привязанные друг за другом лошади беспокоились, скупились, в беспорядке сбились, резко подрагивая впереди стоявшего жока гнедого.

Чифирик пустил повод, стянул меховую рукавицу, застывшими вялыми пальцами нащупал пуговицу на тулупе. Рванул верхнюю костяшку, подёрнутую тонким ледком от дыхания. От овчины пахло кислинкой, широкий отворот отвалился, мягко погладив щёку и мочку уха. Отупление от однообразного покачивания в седле проходило. Чифирик достал из нагрудного кармана пачку папирос, нащупал смятый мундштук беломорины. Ворохнулся, удобней пристраиваясь в седле. В занемевшие ноги, иглами пронзая мышцы, хлынула дремавшая в теле кровь.

Чифирик курил, отсутствующим взглядом взирал в густо падающий крупными хлопьями мокрый снег. Дальше лошадиной морды видимость пропадала. Тёмным комом сбились за спиной и лошади, успокоились, застыли, изредка нарушая дружным тяжёлым вздохом тишину.

Весь день тропа с водораздела была сносной: без особо крупной щёбёнки, временами крутовата, извилиста, скользкая от сырого снега и мерзлоты подо мхом на северных склонах, но в основном проходима. И Чифирик спешил. Нервно понукал жеребца, хрипло покрикивал на лошадей, измотанных многодневным переходом по горным тропам. Под вечер, сейчас, и сам еле шевелился. До изнеможения устал и вымерз без движения в седле, кружилась голова от бесконечных подъёмов и спусков, болели глаза, набитые сентухой на перевалах, отупел от одиночества. Но что делать? Жизнь такая...

Кондрат Фомич Фролов, по прозвищу Чифирик, работал многие годы каюром в геологических партиях. Круглолицый, с выступающей вперёд беззубой челюстью. Морщинистый лицом, маленький росточком. Чифирик гляделся рядом с лохматыми полудикими якутскими лошадьми порою мальчишкой-подпаском. Зато руки да седой короткий ёжик на голове говорили, что лет ему немало. А уж если кому доводилось заглянуть в его пронзительные, близко поставленные глаза, тому казалось, что не только голова, но и душа у Чифирка седая, по-житейски мудрая, большая душа.

«Чифирик». Ну и ладно. Чифирик так Чифирик. Не обижался он.

За любовь к чаю его так прозвали: любил круто заваренный по-колымски. На Севере, бог знает, с каких пор. Ушла уже старая колымская рать. Только в образе Чифирка и жила. Ушло и время, будто обвалом небесным его унесло. И несколько лет уже Чифирик возвращался в людские поселения с тревогой и необъятной тоской. И не только ему, многим казалось, что привычная жизнь, какой-то вечный житейский уклад, как прелая залежалая тряпка, неудержимо расползся. Будто в один день и час исчезли старые понятия о дружбе и совести. Пьянки не спасали: пили мужики молчком, остервенело, угрюмо. Пили самогон. И полевого расчёта теперь на два дня хватало. В былое время работы собирались в балках экспедиции и по очереди пропивали расчёт. За месяц. Закупали ящиками и мешками. По нынешним ценам в магазин опасно ходить. Лишь дети прежние...

Любят Чифирка в посёлке дети. Грешат на него геологи, всерьёз за человека не принимают. Дело ли это, «эскадрон» ребятишек на экспедиционных лошадях собирает. Да с шашками, по полю. Кто быстрее и ловчее?! А того понять не могут взрослые, что жаркая детская рука не палку сжимает, а самую настоящую саблю. Не лоза впереди, а противник. Вечером в конюховской сидят дети, вокруг железной печи. Начнёт он говорить, притихнут. Папа геолог о тайге так не расскажет... Это на словах красиво в тайге живётся. Вот и сочиняет он. Жалеют его дети. Подростки всё понимают. Иной раз просят: «Не пил бы ты, Фомич». Усмехнётся он. Дети: «...дядя Кондрат, Фомич». Мужики да студенты с геологами – «Чифирик».

Чифирик зябко передёрнул плечами: пока сидел, замёрз. Раскурил затухшую папиросу, нехотя выпростался из тулупа, подвязал его ремешком сзади к седлу. Сполз с коня и потянул лошадей к ручью. Жеребец заупрямился, оскалил ряд жёлтых кукурузных зубов, мотнул резко в сторону.

– Я тебе. Кого боишься? Пустой ручей. Глушь, паря.

Жеребец драл голову, приседая на задние ноги.

– Не дури. Пошли, паря...

Мелко переступая, жеребец пошёл следом за человеком.

На заснеженном ручье Чифирик обнаружил крупные волчьи следы. Остановил лошадей, вынул из бокового выюка ружьё. Холодная сталь стволов придала Чифирику уверенности.

– Мог бы и раньше догадаться, – упрекнул себя вслух, выводя связку на террасу. – Ружьё есть, пули есть. Не пропадём, паря, – обернулся он к гнедому.

Рослый гнедой жеребец умно косил сторожким взглядом по сторонам. Похрапывал, нервно подёргивая ноздрями, но зашагал без подхлёстывания.

Начался лес. Корявые, но цепкие до жизни лиственницы редко разбежались по долине, жили каждая своей обречённой на хилое существование жизнью. В одиночку переносили жгучие морозы, злобные ветры. И только весной, измученные холодным и неудобным сном, они дружно, с некоторой спешкой за одну ночь принаряжались в зелёную хвою, прощали все обиды зиме и веселились в своих зелёных нарядах на весеннем солнышке, шепча ласковые слова шаловливому ветерку.

Пришедшая не ко времени сентиментальность отвлекла, успокоила Чифирка. Впереди открылась излучина ручья. Там сопки сближались и дальше резко, будто повздорив, стремительно вытягивались в хребты, опоясавшие широкую долину, лежавшую в лесах далеко внизу.

Порывы ветра ослабли. Снег падал медленнее и реже, нагрузистее. Низкий вал землистых облаков протаскивало стороной. Часов на руке у Чифирка нет, но всё вокруг подсказывало: скоро накроет ночь. У излучины он решил переночевать. Силы покидали, ноги не держали. В молодости за тридцать километров на прииск за спиртом бегал, хоть бы хны. Сегодня и пяти километров не прошёл, а вымотался так, будто всю свою жизнь от рождения и до этого дня шёл...

Из-под телогрейки, перепоясанной куском подпруги, шло сонное тепло давно немытого тела. Шерстяной подшлемник, какие выдают на шурфовке, отсырел по краям от жаркого дыхания. Верх

запорошило снегом, сгладились изгибы и морщины закатанного вовнутрь материала, отчего шапка стала похожа на «боярку».

На излучине ручья ягель примят, лежит клочками. Дикие олени копытили. Следы лап. Следом прошли волки.

Чифирик выбрал место для палатки, привязал гнедого, снял вьюки и принялся за устройство жилья.

Через полчаса лошади остыли, стёгна их закуржавели. Чифирик стянул вьюки. Пустил лошадей, гнедого же отвязывать не стал: от жоака далеко не уйдут. Груз и сёдла накрыл брезентом.

Малиновый бок жестяной печки упруго отжимал холод в углы палатки. Закипел, заприплясывал крышкой чайник. От доброй жмени «индийского» прошёл банный дух. Суета по хозяйству, благоустройство, грядущая ночёвка мало напоминали Чифирику о том, что он один у чёрта на куличках. Привычка. Но когда он прилёт на спальный мешок, когда пристроил кружку с чаем рядом со свечкой, он остро ощутил пустоту и тоску. И если раньше существовал мир тайги, где привычно жилось, сейчас он понимал, что и в тайге не спрятаться от себя. В минуты покоя одиночество как бы подчёркивало всю безысходность его жизни: так жил вчера, живёшь пока в этой палатке, но всё это исчезнет завтра. Годы...

Желание хлебнуть крутого напитка он всегда сдерживал долго, наслаждался своим нелепым порывом, терпением, тщательно водил чайной ложечкой. И когда желание переходило в горьковатый сухой привкус на губах, делал первый маленький глоток. В этот вечер он сделал так же, как и прежде. «А ведь и точно, – Чифирик. Чудишь, паря? Нет бы напиться, жадно, по-человечески, когда мучает жажда. Нет, даже здесь, наедине...» Чифирик всегда был терпеливый до жизни. Всегда. Даже наедине. Прикуренная от свечи папироса дурно, как его мысли, отравила привкусом парафина.

Курево у Чифирика на исходе. Без хлеба он мог обойтись, без воды, но без табачного дыма тошно. Куда хочешь за табаком побежит.

Осень застала геофизиков на гольцах. На табак издержались. Ждали вертолёт. Чифирик повскрывал в старых палатках полы, насобирав окурков, чем и перебивался до прихода вертолёта. Но и с приходом вертолёта жизнь веселее не стала: папирос не прислали. У механика и выпросил две пачки. И вот они кончились. Топограф Сормин, оставленный начальством для перегона лошадей, улетел с тем же вертолётном, сославшись на болезнь. Сказал: жди замену, с ней и курево. А куда ждать? Снег вот-вот ляжет, и лёг. А он: «жди». Сам не захотел ждать, трястись в седле на лошадях двести вёрст, морозиться, болезнь себе придумал. Сбежал топограф Сормин. Бросил Чифирика в тайге.

Чифирик встрепенулся: оказывается, задремал. Как-то там лошади? Натянул валенки, телогрейку, выполз из палатки. Пустил в кромешную темноту ракету. Лошади не шелохнулись. Едва заметно головами покачивали, вздохам в такт. Снег прекратился. Похолодало. И Чифирику стало ясно: осень повстречалась с зимою именно в эту якутскую ночь, хотя по календарю кончался октябрь.

В спальный мешок Чифирик залезать не стал. Нужно посматривать за лошадьми, подкармливать печурку дровишками. Но усталость взяла, и он, двигаясь во сне к остывающей печурке, проспал около часа. Но что-то страшное, далёкое, из детства, ворвалось в сон. Минутой назад он видел себя идущим по заснеженному полю, среди которого одиноко стоит старая высохшая берёза. Видел себя мальчишкой, идущим в школу с пещуром на холщёвой лямке через плечо. Мать положила в холщовый мешочек, к книжкам, краюшку ржаного хлебушка и малюсенькую дольку сала, которые обычно по приходу в школу требовал на высокую кафедру учитель. Требовал не для себя, а для того, чтобы урок был усвоен. Даст задание, выполнишь, ответишь, тогда и получай назад свою пайку. Видел себя идущим по полю из школы, по которому ни разу в жизни не ходил наяву. Видел себя. И серую стаю. Волки в поле. Бегут стремительно от далёкого колка. Временами исчезая в весенних жажоринах. И он убегает от этой стаи. Стремится к дереву, задыхается во сне. Жок настигает и бьёт хвостом по ногам. Но он устоял, только бы успеть к дереву, только бы не упасть... Стая промчалась мимо жертвы. Проснулся Чифирик от страшной слабину в коленях, от дрожи, от холода, от... волчьего воя! За палаткой храп, треск ломающегося сухого дерева, к которому привязан гнедой жеребец. Не соображая, что делает, Чифирик выстрелил из ружья на звук прямо через брезент. Нащупал ракетницу и выполз из палатки. Пружинисто встал. Затрещала, рассыпая искры, яркая зелёная ракета, высветилась полянка. Лошадей нет! Оборванный конец верёвки насмешливо мелькнул и исчез в ночи. От

бессилья Чифирик заплакал. Заплакал тихо, по-стариковски. Давшие слабинку ноги не держали, и он, на четвереньках, ползком забрался в палатку.

Печурка вновь задышала жаром и высушила слёзы. Дырку от выстрела он прикрыл войлоком, присел на корточки подле печурки и старался унять дрожь в руках, поминутно потирая их. Задымилась засаленная телогреечка, ватные тонкие штаны, а он всё не мог согреться, унять дрожь. Казалось, что не кровь, а спирт, принесённый с мороза, застыл у него в жилах, холодом и ужасом во всём теле.

На рассвете лошади вернулись. Не было одного старого меринка. Несмотря на утрату, Чифирик радовался, как ребёнок:

– Паря. Гнедой мой. Паря, друг мой, – дышал он горячим лошадиным потом и шептал ласково. – Товарищ мой верный. Пришёл, привёл лошадок. Не бросил старика погибать в тайге.

Чифирик никогда не бил лошадей. Не водилось такого за ним. И лошади верили этому маленькому человеку. У другого каюра совхозные лошади, привыкшие к вольному выпасу, иногда в начале лета разбегались. Гнедой принадлежал экспедиции. Могучий жеребец умел подчинить себе и приручаемых каждое лето Чифирком вольных якутских лошадок. От него они не отходили ни на шаг. Приходила осень, и Чифирик сдавал лошадей на центральную усадьбу совхоза. Лошади из-под его руки были настолько хорошо обучены и приручены, что якуты-коневоды оставляли их при себе для нужд в хозяйстве. А приходила весна, он опять приезжал в Оймякон за молодынком. Обезженную лошадь, как задранного волками меринка, редко удавалось заполучить. Да он и не просил. Сила гнедого жеребца да его, Чифирка, ласковое обхождение быстро ставили вольных лошадок в рабочую связку.

2.

Около двух часов Чифирик двигался по долине большой реки. Впереди лежала ещё добрая сотня километров до жилья. Он не спешил. День с утра выдался морозный, с белёсым синеватым небом. Первородный снег слепил глаза, терпко пахло гниющим листом, корой древесины. Звериная тропа, набитая на переходах, едва приметная под снегом, петляя, тянулась по краю обрывистой полки над рекой. Синеватая дымка хоронилась среди лесов. Молодой снег всполохами играл под солнцем сквозь морозную дымку. Щедрое тепло октябрьского светила быстро разогнало утренние туманы и парное тепло. Каюра начало морить в сон. Чифирик не сразу обратил внимание на гул пролетающего где-то за сопками вертолёт. Сообразив, что может разжиться куревом, он поспешно выхватил из вьюка ракетницу и выстрелил. Красную искру в голубом небе с вертолётá заметили: зов на помощь по таёжным законам. Гул и хлопанье винтов стали раскатистее, громче. Вертолёт шёл низко над долиной, высматривая человека, который позвал, бедствуя в такой глуши, вдали от посёлков и дорог. Сверху были хорошо различимы лошади и с ними человек в тулупе. Сделав круг, вертолёт завис над речной косой. Чифирик подбежал к выскочившему механику.

– Дай закурить! Закурить дай! – заорал он что есть силы.
– Чего тебе?! – изумился механик.
– Закурить! – орал ему на ухо Чифирик. – Курево кончилось. Волки лошадку съели!
– Какую лошадку?! Я тебе дам сейчас закурить! – сгрёб механик Чифирка за ворот телогрейки. – Вертолёт идёт по санзаданию, а он его сажает! Закурить взять!

Чифирик вывернулся из цепких рук механика и отскочил к лошадям. Механик откричался в открытый боковой фонарь командиру о причинах посадки. И тот, смеясь, подал пачку сигарет.

– Под лесину положи, а то унесёт! Под валежину сунь... – не поверил в удачу Чифирик.
Механик догадался. Сунул пачку под сухой плавник на косе, показал беззлобно кулак Чифирку и нырнул в вертолёт.

Вертолёт снялся и исчез за кромкой леса.
– Теперь живём, паря! – Закурил сигарету Чифирик. – Теперь дойдём шутя до базы.

Пять суток радист с базы партии следил в эфире за Чифирком. Но тот на связь не выходил. К концу шестых суток, уже в сумерках, раздались знакомые матерки. Каюр костерил и гнедого, и начальство за то, что до него нет никому дела и никто не встречает. Накинув бушлат, радист Савелий вышел из домика. Чифирик подобрел при виде живой души, поздоровался. Савелий помог ему развьючить лошадей, снести имущество под навес, где лежали мешки с овсом.

- Где народ-то? Чо, база пуста? Геологи наши где, бичи?
- Все в посёлке. Ликвидируют партию... На связь почему не выходил?

Вопроса Савелия Чифирок будто и не услышал. Сообщение о ликвидации партии сквознячком обдало душу. Тоска, от которой он устал в одиночестве среди тайги, вновь охватила своей беспокойной завистью о мечте побыть среди нормальных людей. Спешил к людям душу отогреть. Представлял, что вот он приедет – событие целое! Мужики будут радостно похлопывать его по плечу, тискать ладонь, потянут с разговорами к столу. С устатку не грех будет и спиртом погреться. А потом – всю ноченьку разговоры, планы на будущее, мечты об отпуске, воспоминания минувшего. И так до утра. Выспится. В тепле, в нижнем белье в простынях, на нарах. Ах, хорошо-то как жить! За лошадьми не надо смотреть. Овса и без него дадут. База пустая?! Один полусонный радист. «На связь почему не выходил?» Смешно. Больно он, Чифирок, кумекает в обращении с радиостанцией. Топограф сбежал...

Пока Савелий соображал на стол, Чифирок разделся до байкового белья. Натянул сухие валенки радиста и подсел к столу. Осмотрел свои замурзанные руки, чёрное от палаточной копоти лицо в осколок зеркала. Вздохнул и пошёл к умывальнику. В избушке для него душновато без привычки. Крепкие стены, нагромождение аппаратуры, позвякивание капель в таз, тихая музыка из приёмника, стол, заваленный Савелием свежими огурцами, холодной варёной олениной, чесноком, луком и мягким хлебом, – всё это умиротворяло и как бы отодвигало в далёкое прошлое пять морозных суток в седле, проведённых в одиночестве среди снегов и гор. И вспомнилась весна, когда на базе жило полно народу. Когда ждали с нетерпением вертолёт для выброски. И прощались в спешке до осени. А осень пришла, и «здравствуй» сказать некому.

– Иди к столу. Хватит тебе там плескаться, – позвал Савелий. Сам вышел в сени, принёс оттуда бутылку, заткнутую капроновой пробкой. Самогонка. Водки-то сейчас ни за какие деньги на прииске не достать: на золотодобыче – сухой закон!

Чифирок без спешки вытерся тряпицей, что висела для рук рядом с чистым полотенцем. Повесил её аккуратно на гвоздь. Рядом с печкой заметил прикрытую войлочной попоной флягу. «Самогоночку, значит, гоним для старателей, – подумал про Савелия. – Зачем гнаться за рубли возле костра или на шурфах? Прижился...» Самогонку гнал Савелий и весной, сахар списывал на отрядный котёл. Начальство гоняло за спаивание своих рабочих, продавал старателям. Тех же начальников поил задарма.

– Ты, Савелий, Чифирком меня кличешь. Иль я скотина какая, имени у меня нет? – Чифирок захмелел. В душе возникли болезненные обиды, солью разъедающие всю его оставшуюся жизнь. Он и сам понимал, что не так прожил, не к тому стремился, не о том мечтал. И при случае досаждал собеседника. – Может, я бичара какой? Ха-ха! На таких бичах вся геология держится. Север подымали. Ты ещё не родился, когда я уже здесь стране валюту добывал. От цинги пухли. Как звери по склонам ползали весной, жрали от цинги бруснику. Вишь? – раззявил беззубую пасть. – Нет зубов! Думаешь, годы Чифирка подпёрли? Какие мои годы?!

– Что мне твои зубы? – огрызнулся Савелий. – Напился, падай и спи. По радиации сообщу, что пришёл. Машины завтра придут за лошадьми. Давно ждут. Везти надо. Сдавать в Оймякон. Встретил я тебя по-людски: напоил, накормил. Что тебе ещё?..

Савелий пьющих людей не любил. Брезговал пьяными работягами. Чифирка Савелий уважал. Старикан, не в пример другим, был всегда человеком, из-за лишней банки тушёнки никогда не спорил. А сахару со склада много уплыло. Надо же на кого-то и расписывать под личный забор.

Чифирок понял мысли Савелия. Криво усмехнулся: «А кто от неё, водки-то, умнее делался?» Вспомнил себя молодым. Горло спиртом лудил, ноги и руки обмораживал на шурфах до слёз, а жизнь и людей любил. Да и другая жизнь среди людей проходила: осмысленная, последовательная и прочновечная, казалось. Сейчас скверное время. Всё цену потеряло и перепуталось. Таким вот, как Савелий, только и живётся. Ведомость завтра обязательно подсунет...

От Савелия мысли перебралась к другим делам. О жизни своей опять вспомнил. Зачем она, жизнь? Турлычиху примерил рядом с собой. Баба одинокая, в возрасте, как и он. Северянка? Уже и сын у Турлычихи погиб в Афганистане. Мужика похоронила. Столько бед пережила, а скрипит старым деревом. Собираются у неё в доме полевые работяги, привальные отмечают. Своя она, горемычная. Много лет поварила у геологов в полевых партиях. Сейчас в столовой работает уборщицей. Спустят с себя мужики копейки после расчёта, Турлычиха пропасть не даёт. И подкормит, и похмелит, и от

пьянства отведёт. Мужики в долгу не остаются: деньжатами, когда богаты, делятся, дров, угля на зиму ей полный двор наготовят.

Уважают Турлычиху мужики: молодая была – по рукам не ходила. Теперь и подавно единой судьбой все связаны. Какие могут быть счёты? Выжить бы, зиму протянуть до весенних полевых работ в тайге, не спиться, не замёрзнуть по пьяному делу.

Душа разбередилась, а бутылка на столе пустая. Унижаться, кланчить самогон у Савелия, Чифирок решил, не будет. Рядом прииск. Хошь и сухой там закон, да только не для Чифирка. Савелий сидел спиной и крутил настройку рации. Натянув поперех байкового белья телогрейку, Чифирок тихо вышел из домика.

3.

Чифирок вышел и не вернулся. Исчез из тамбура и тулуп. Но ни до Чифирка, ни до тулупа Савелию дела не было. Ушёл – придёт. Куда в одном белье бежать? Радист сонно ковырялся в реденькой бородёнке, скрёб прыщавые, нечистые щёки. Прикидывал: на какое время отвалил каюр?

На прииск, Савелий не сомневался. Брага подошла. Савелий спешил сегодня её «выгнать» в соседнем доме-складе. Старатели на прииске не сегодня завтра закончат промывку, заказали десять литров первача. Барыгам дороги на участок нет. Строгости. Савелий подпаивал горных мастеров и шныря артельского. Пили, конечно, у кого деньжата за голяшкой водились.

Поразмыслив, Савелий натянул полушубок и вышел под звёздное небо. Из лениности далеко отходить не стал, побзыкал, как пёс, на угол тамбура.

Савелием овладел зуд. После ликвидации партии он решил уехать с Севера навсегда. Деньги «сделал» на самогоне, прикупил и трюхи самородков, мелких и тонких, как тыквенные зёрна: в спичечном коробке пятьдесят граммов поместилось. Хорошие деньги дадут за золото в Одессе... Хаос в стране, неразбериха с властью. Все «митингуют». Машинами выберется к железной дороге, а там его лови с этим золотом. «Зимник» в декабре – это через пару месяцев. Золото и все «сбережения» Савелий прятал в избе-складе, где и гнал самогон. Отбросив сомнения, Савелий подпёр ломом дверь домика и отправился в тёплый склад.

В рубленом доме, в отличие от времянок-вагончиков, печь из кирпича и добротная чугунная плита. «Производство» для перегонки браги в самогонку отлажено: молочный вакуумный бидон – змеёвик через столитровую бочку со снегом пропущен, краник залужен. Днём всё подготовил, осталось бражник залить да угля подложить для ровного жара.

И часу не прошло, синюха потекла в трёхлитровую банку. Самогонку в банках Савелий «подкрашивал» растворимым кофе, закатывая крышками. С виду обычный «виноградный сок», какой в ящиках доставляется на Север.

«Чифирок возвращается?!»

Песня шагающего к базе Чифирка слышалась издалека. Савелий примкнул склад и пошёл в вагончик.

Здесь под ногами топкие болота,
С ветрами нам приходится дружить.
И хорошо, что сам я, а не кто-то,
Сумел здесь руки к делу приложить!

Живи не наугад, дорогу выбирай.
И я, пожалуй, рад, что выбрал этот край!
Здесь жизнь идёт не зря. Здесь рубль не даровой.
И светится заря над вышкой буровой...

«Романтик хренов», – злорадно усмехнулся Савелий о Чифирке.

Чифирок ввалился в дверь и ухнулся о порожек.

– Тут рубль не даровой... – промычал, поднимаясь.

Савелий валялся на нарах и страдал, что склад оставлен без присмотра.

– Где это ты шлялся? Волнуйся тут за тебя: вышел человек посвятить и пропал...

– Ты, Савелий, не гундось. Понял, да? Лошади Чифирка уважают, не то что некоторые. Давай лучше выпьем, – выставил Чифирик из пазухи початую бутылку спирта.

– Ладно, чёрт с тобой, глуши. Но пока живой, в ведомостях распишись. А то завтра машины за лошадьми приедут – не до бухгалтерии будет, – протянул он Чифирку подготовленные заранее «заборные ведомости» на «котловое питание».

– Здесь, и вот здесь, – ткнул пальцем и отошёл от стола.

Чифирик равнодушно, не вникая в сумму, поставил в ведомостях коряво, но разборчиво: «Я Чифирик».

Довольный, Савелий не глянул на подпись, тут же смахнул листочки в папочку. Повеселел.

– Жратвы полно. Закусывай. Беда с вами, бичами. В тайге вас только и держать, – кружил рядом Савелий, примериваясь к спирту.

– Лей, чо мнёшься? Не жалко, – разрешил Чифирик.

– А таких, как ты, где держать? – огрызнулся.

Пришла озорная мысль Чифирку, наказать Савелия. Чифирик – азартный и опытный картёжник, в «хруп» ему равных нет. Савелий поигрывал в карты «на интерес», но понятия не имел, что Чифирик «игрок». Весной все были безденежные, перекидывались всё больше в «тыщу».

– Выпей, выпей, – подначил он Савелия. – Спать рано, напиток от души не с кем. Может, в карты перекинемся?

Савелий разбавил спирт и выпил полстакана.

– На деньги? В хруп? – вскружил бес Савелия, да и говорил он в шутку, в тон Чифирку.

– Можно и в «хруп», можно и на деньги... – горел картёжным азартом уже и Чифирик настоящему. Савелий тоже не мальчик, давно за тридцать живёт. Чифирик «засветил» деньги из кармана телогрейки, в которой вернулся с прииска. Где он их взял на прииске вместе со спиртом, Савелию и в голову не пришло поинтересоваться.

– Давай! – согласился Савелий. Порылся в своих вещах и на глазах Чифирка вскрыл «нулевую колоду». О складе, с бражником на плите, впервые Савелий забыл, из памяти вышибло. За пятнадцать минут «прохрапел» пять сотен, так и не поняв, как это у Чифирка получается. А Чифирик не унимался.

– Ладно, выпьешь со мной, прощу проигрыш, – забавлялся Чифирик.

Савелия закусило: махом опрокинул стакан. Чифирик сдержал слово – ладошкой подвинул деньги Савелию. Сказано – сделано.

И они «захрапели». Спирт уже не разбавляли. Савелий раз за разом проигрывал. Чифирик больше деньги Савелию не предлагал в обмен на «выпить» с ним. Не заметили, как и спирт приговорили. Савелий осоловел, старому Чифирку хоть бы хны. Чифирик только теперь ощутил всю усталость полевого сезона. Непомерной тяжестью она сковала всё тело. И выпил много, и привычного хмеля нет. Будто родниковую воду, а не самогон и спирт лакает весь вечер. Закуска, правда, добрая, да не для его беззубой пасти. Чифирик резал на мелкие кусочки оленьё мясо, и горстями глотал с хлебным мякишем. Савелий вытащил заначку, свой «фирменный сок». Ножом пробил в крышке две дырки, налил в стаканы.

– Вот это я люблю, – сказал, двигая деньги Савелию. – Играем дальше.

Что-то изменилось на улице. Чифирик отвлёкся от игры в карты. Ответы красного зарева привлекли на стекле.

«Пожар?!» – сообразил Чифирик.

– Савелий, склад горит, – отобрал он у Савелия стакан.

– Какой пожар? Где пожар?

Сухая старая изба пластала огненным реактором, с гулом и выбросами огненных хвостов. Казалось, всё зло мира сосредоточено в горящем доме. Изба удалена от базы на бережок болотистой гати, лежащей снежной равниной к сопкам.

– Моё золото! Мои деньги! – упал в грязь Савелий. Понял и Чифирик, Савелий остался в одних «портках». Понял и не жалел. В спешке Савелий не подпёр чугунную дверку печи кочергой. Угля положил много. Тяга на мороз разогрела домну печи. Куски горящего угля выдавили дверку. Огненный комок докатился до банки, в которую натекло порядочно первача. Банка лопнула. Сгорело дотла всё.

Одна зола осталась. «Кирпичная печь военных лет» не рухнула, тянулась трубой к небу, освещаемая жаром углей вокруг.

4.

Рано утром на базе загудели машины. Приехал начальник партии Корчагин. В чёрном полушубке навис теперь бегемотом над пожарищем. Оно ещё дымилось и парило мокрым паром. Военным лихолетьем смотрелась стойкая кирпичная печь. Расплавленные остатки самогонного аппарата подсказывали причину случившегося. Чифирик наблюдал за начальством из загона с лошадьми. Всех коней он переловил и привязал к изгороди арканами. Не мог поймать пока гнедого. Гнедой не давался в руки. Конь не выносил запаха спиртного. Чифирик однажды поплатился по этой причине. Подпил в соседнем отряде и возвращался к себе на базу. Тайга. Захотелось в пути помочиться. Чифирик слез с седла, упустил уздечку. Гнедой будто ждал: прыг – и в сторону. Чифирик – к нему, жеребец – от него. Далеко не уходит, но в руки не даётся. Так и пришлось Чифирику десяток вёрст тащиться за гнедым пешком. Эту особенность жеребца Чифирик знал давно. Забывал или махал рукой: попадись мне. Смеялся беззлобно: ох и умнющий, паря!

Начальник партии подвинулся от пожарища к загону. Скользнул хмуро взглядом по привязанным лошадям, нашёл взглядом гнедого. После чего поздоровался с Чифириком.

– Натворили же вы дел, – усмехнулся Корчагин.

Жук он тёртый, тоже всю жизнь на северах. Не такое приходилось видеть и пережить. Партия ликвидируется – всё спишется.

– Лошади, смотрю, у тебя не все. А, Кондрат Фомич?

– Так, волчишки в пути прижали. Совхозного мерина и пустили в расход. Сам едва жив выбрался. Хорошо, вот гнедой, паря верный; остальных утром привёл. А так хоть ложись было и помирай в тайге.

– Коня не спишешь – не наш: платить совхозу придётся, – многозначительно подвёл итог разговору начальник партии и пошёл в вагончик, где в дымину пьяный валялся Савелий.

– Я, што ли, за коня платить стану – не расписывался за него?! – крикнул ему в спину Чифирик. Подумал, нырнул под жердь и подался следом за начальством в вагончик.

Корчагин задумчиво навис над столом и прокручивал горлышко банки: «продукция» знакомая. Оставил банку в покое. Повертел бутылку с этикеткой питьевого спирта.

– И где ж вы его достали? Последний раз такой спирт лет пятнадцать назад в руках держал, – хмыкнул Корчагин.

– На прииске добыл, – нагло хвастанул Чифирик. – Тулуп загнал!

– Тулуп? Какой тулуп? Ну и наглец же ты, Чифирик. Вот заставлю тебя платить и за тулуп тройную цену, будешь знать, как наглеть со мной.

По годам и северному стажу начальник партии и каюр ровня. Оба жизнь северную не понаслышке знают. Обоим известно, и десять тулупов не заменят дружбу. Старые приятели Чифирик с Корчагиным. Жизнь прожита рядом в работе! Страны советской и той теперь уже нет, в которой родились в послевоенную пятилетку. Не менять же им дружбу на проданный Чифириком тулуп?

Корчагин нацедил из банки полстакана самогона и выпил, горлом гукнув с поджёвом губ: первач хозяйский.

– Запьёшь тут с вами от такой жизни.

Корчагин пил редко, но запойно. В посёлке в течение года его с запахом не услышишь – жена в железных и нежных объятьях держит. Но весной, как выберется на полевую базу, первую неделю пьёт беспробудно, до безобразия и одурения.

– Всё, кончилась жизнь. Всё прахом. И страна, и работа. Хорошо хоть, есть куда на материк выехать. Все теперь голые. Сбережения «сгорели». Я не копил. А у людей и по триста тысяч лежало на книжке в госбанке: честно заработанных! Годами отказывали себе, копили на старость. Накопили... козлов в огороде.

Чифирик, как и большинство людей, жил далёким от мирских смут человеком. Время не переформишь, жить надо. Лошадей пора грузить на машины для перевозки в Оймякон.

Первая машина уже приткнулась задним открытым бортом к эстакаде. Чифирик вёл из загона гнедого. Конь шёл спокойно, чуть приплясывая, зло пофыркивая на чад пожарища, косил недобрым взглядом на автомобили. От машины прозвучал воздушный сигнал «фа-фа!»: шофёр звал приятеля в кабину.

Гнедой шарахнулся, опрокинул Чифирка и поскакал вдоль изгороди загона. Следом за ним заскользил на животе каюр, не отпустивший конец аркана. На месте базы стоял когда-то лес, и низеньких пеньков много. Чифирик удачно не ушибся головой о пенёк. Вовремя остановился конь. Прихрамывая, Чифирик привёл гнедого до грузовика.

– Не любит он машин, – буркнул досадливо на боль в колене. – Первым не пойдёт. Придётся кобылу заводить, – привязал гнедого к бревну эстакады.

Кобыла тоже не желала заходить на кузов машины. Мелко подрагивая пепельно-серой шкурой, упёрлась копытами в накатник эстакады, храпела и брыкалась, приседая на хвост.

– Ну, погоди, одноглазая сука! Я научу тебя Чифирка уважать! – Каюр тоже приложился к остаткам в банке в вагончике и был заметно «на взводе». Кобыла каурой масти действительно была и старой, и видела только одним глазом. Ходила она в паре с гнедым около десятка лет. Пробовали разлучать коня и кобылу на полевых работах. Толку никакого: сбегают животные в поисках друг друга. Чифирик сразу это понял, и коня с кобылой больше не разлучал никогда: эти лошади не совхозные, экспедиционные. Нынче придётся вместо утерянного мерина сдать кобылу.

Чифирик сходил под навес за тонкой суконной попоной.

– Может, мешок? – засомневался Корчагин. Подобный «фокус» с кобылой Чифирик не единожды проделывал.

– Сто раз тебе говорено: мешка пугается она, – замотал сукном кобыле глаза Чифирик. Поводил её вслепую и без труда завёл в кузов. Привязал коротко арканом к переднему, нарощенному из досок для этой цели борту.

– Теперь и остальные без проблем пойдут к одноглазой кобыле.

– Ну, пошли, што ли, паря, – отвязал он гнедого. – Вот так... – ласково почёсывая, тихонько-тихонько Чифирик завёл к кобыле и жеребца.

5.

Поздно вечером Чифирик прибрёл на край посёлка к дому Турлычихи. Гнедого он отпустил на агробазе, других лошадей оставил на машинах до утра в тёплом гараже. В общежитие полевиков Чифирик не заглянул. Знал наверняка, что не удержится от соблазна, выпьет. А утром дел много: подготовить машины для перевозки лошадей за семьсот километров – это нарастить борта досками. Овёс получить на складе, сходить в бухгалтерию – подхарчиться на аванс. В Томторе дружок, с пустыми руками не поедешь. Да и не в этом дело – традиция такая много лет: получают для экспедиции лошадей – «купчую» обмывают. Сдаёт Чифирик лошадей – за здоровье и дружбу пьют с якутом Степаном. Степан в молодости тоже в Индигирской экспедиции работал каюром.

Думы о делах незаметно и путь сократили. Дом Турлычихи в ряду улицы крайний. За огородом пустошь, до поселкового старого кладбища.

Под козырьком сеней над дверью светила лампочка, мерклым светом освещая двор и постройки. Забор, обычно сжигаемый за зиму, из-за нехватки топлива, зашит ныне свежим горбылём. Во дворе поленица кругляка, в сараюшке полно угля. Запаслась нынче Турлычиха топливом на зиму. А может? Чифирик даже остановился от такой мысли. Может, ныне кого приняла? «Совсем забыл, старый дурак, о своём и Зинкином возрасте», – выругал себя Чифирик. И он забарабанил негромко в дверь. Случайно ткнул её носком валенка. Дверь сеней отворилась. В холодной пристройке тоже горит лампочка. И как-то до жути тихо за стеной на кухне, окно которой гляделось тёмным ликом в пристройку, откуда звуки обычно слышны входящему. Чифирик дёрнул входную дверь в дом, которая легко поддалась. На кухне тепло, чисто, лампочка притушена. Свет в прихожей.

– Кто там? Ты, Свиридовна? – подала из маленькой комнатухи голос Зинаида. – Что молчишь? Проходи сюда. Занемогла я совсем... Господи, и когда Господь к рукам приберёт от таких мук... Кто там?

– Это я, Зинаида. Фролов.

– Вот радость-то какая. Кондрат, ты погоди, я сейчас поднимусь с постели.

– Да лежи ты.

Чифирик прошёл к Турлычихе в комнатку, царапнул ногтем по выключателю. На табуретке возле кровати пузырьки с лекарствами, в стакане брусничный морс. Зинаида Турлычёва, исхудавшая от болезни, слабо улыбаясь, говорила:

– И то думаю: где Кондрат пропал? Обычно в первый же день приезда приходил. А он лёгок на помине. Только что-то плохая совсем я стала.

– Чего это ты хворать вздумала? Баба была – на кобыле не объедешь за день, – нарочито грубовато неудачно пошутил Чифирик. Принёс из кухни стул.

– Надорвалась я, Кондрат, нынче. Одна по хозяйству. Угля пять тонн на руках во двор переволохота. Большие куски разбить не могла, перекатала их. Оставить на улице – растащат. Ныне всяк сам себе стал жить без стыда и совести. Вот, видно, и надорвалась. Теперь сохну. – Турлычиха замолчала, отдыхая. Угрюмо сидел и Чифирик. Что он здесь? Зачем? Проклятушая старость подкралась, и заметить не успели. Кто они друг другу?

– Соседка недавно приходила, – продолжила свою горькую исповедь Турлычиха. – В печь угля подложила, посидела немного. Обещала зайти... Ты-то как? А то я всё о себе да о себе. Тяжело в твои годы за лошадами ходить?

– А куда деваться? Ни кола, ни двора. В общежитии жить?

– А ты ко мне перебирайся.

– Забор сама городила, или наши бичи спомогли?

– Сама... Кому я нужна, господи. Мужики, кто приехал, нынче и носа не кажут. Кому больной человек нужен? Экспедиция вагончики-балки на пустыре поставила для сезонников. Там гудят. Это раньше шли к Турлычихе: она и приветит, и накормит... Разделся бы хоть с дороги. Есть, наверное, хочешь. У меня и чекушечка припасена. В холодильнике найдёшь.

– Не за тем шёл. Переночую у тебя. Дел завтра много. Лошадей в Оймьякон повезу. А в общаге загудишь. На базе по-пьянке склад спалили. Не дай бог...

– И не надоело тебе гудеть-то? Седой уже весь.

Чифирик промолчал. Состояние после «пожарной» ночи и суетного дня неважное. Мысль о чекушечке для случая подходящая. К тому же сильно захотелось Чифирику перекусить.

– Ты, Кондрат, располагайся. В холодильнике суп найдёшь. Небось, с чекушки ничего с тобой не случится.

Чифирику стало досадно. Да что он, «пьяница горькая»? Даже Зинка туда же. Не того она Чифирка знает. А «чекушка» к месту. О деле веселее говорить. Сама предложила перейти к ней...

Турлычиха всё же поднялась с постели. В халате вышла на кухню и присела к столу. Чифирик чекушечку уже приговорил и сидел со слезливыми глазами: жалел себя, Турлычиху, жалел прожитые годы.

– Ты давеча сказала, что примаешь меня, Зинаида. Я, может, согласный, но смелости мало. Привык один. Сам по себе. Годы не те, чтобы вот так просто, раз – и женился, – Чифирик сглотнул остаток говора. Слово «женился» никогда не случилось молвить. – Поживу у тебя, пока оклемаешься. А там видно станет.

Турлычиха виновато улыбнулась.

«Эх ты, горе горькое, по свету шлялось. И на нас невзначай набрело, – думал про Зинаиду Чифирик. – да чего же ты, горяшко, к хорошим людям пристаёшь?! А может, они сами его притягивают? И надо было ей этот уголь катать...»

Вот и он, не злой человек, а доброта не кормила и не кормит. Зинка с добром: знает, что в тайгу он не ходок, а дальше – хоть в петлю. Как жить, Чифирик не знает. Пенсия есть, можно и в сторожа уйти. А нет, так и пенсии хватит, Зинаида зарабатывает. Им двоим много не надо. Дворцов не строить, на материк тоже ехать некуда. Север – родина. Здесь и помирать.

Два дня, пока Чифирик находился в посёлке и всем на удивление ходил трезвый, начальник партии про размолвку и о тулупе помалкивал. Чифирик подписал акт расследования о пожаре на базе: «неосторожное обращение с огнём». Шума не случилось, всё шло прахом под ликвидацию партии. Правда, чтобы получить Чифирику расчёт, бухгалтерия потребовала от Савелия платёжные ведомости. Тот, не подозревая о «подписи» Чифирка, отдал их в расчётную группу.

– Что это ещё тут за роспись: «Я Чифирик»?

Савелий поморковел: – Так это ж Чифирик. Каюр нашей партии.

В экспедиции хорошо знали прозвище Фролова и потешались над Савелием.

– Каюр Фролов, что за троих питался, что ли? – подивились сумме за котловое питание.

Не стал Чифирик сутяжничать с Савелием. Получил деньги, да и стал готовиться к отъезду в Оймякон.

– Гнедого грузи, – приказал Корчагин. – Решение принято ликвидировать экспедиционных коней. Сдашь в совхоз на мясо. На колбасу сойдёт.

Больно было Чифирику расставаться с любимым конём, верным товарищем. Но кто он, Чифирик, такой, чтобы перечить. Державу разгромили, его, Чифирка, не спросили. Ощущение жизни, будто Земля с орбиты сошла и летит с ускорением в бездну. А он о каком-то жеребце будет людям голову морочить. Не стал Чифирик напрасно спорить, повёз и своего любимца к якутам в совхоз.

Лошадей Чифирик сдал без осложнений. Степан обещал сберечь Гнедого от сдачи на мясо, это в его бригадирской власти решать, какой конь нужнее хозяйству. Душа Чифирка спокойнее стала. Отдохнул Кондрат Фомич у старого друга и на четвёртые сутки прилетел самолётом в посёлок. Привёз с собой он и новёхонький тулуп, который купил через Степана в совхозе.

Корчагин как-то особенно встретил своего каюра с тулупом на руках. Он смирился с выходкой Чифирка: всё рушится вокруг – до тулупа ли? Но Чифирик, верный своему «кодексу чести северянина», – взял, верни на прежнее место. Вряд ли и подозревал о том, что ждёт его родину, имя которой – «рай милосердный». Человек прочен до тех пор, пока прочен в самом себе без скидок и поблажек, без дрожи в коленках. Север учит человека последовательно и неумолимо. Слабому человеку места там нет. Ни в первый северный год, ни через двадцать лет, прожитых там: Север – величина постоянная. Человек – существо временное.

– Надёжный ты мужик, Фомич, – хмуро подвёл итог сезона Корчагин. – Друга своего, коня, и того спас от колбасы. Страну – от кучки мерзавцев всем миром не спасли. Легче коня сберечь.

Без забот, Чифирик, радостный, семенил криволапо по проулку к дому Турлычихи. Беззаботен, потому что и дело сделано по-людски с гнедым, и с начальством мир и дружба. Что ещё простому рабочему человеку надо? Когда мир да лад в делах. А радость Чифирка уже неделю не покидает. После «сходин» с Зинаидой вроде и свет белый приоткрылся.

Он вышел в нужный проулок и остановился. Октябрьский молодой снег крупными хлопьями кружил редко и медленно. Заботливо выстилал белым покрывалом проулок, крыши домов, роился на ветле углового – Зинкиного дома. Там люди. Соседи, ребятня настороженная. И даже собака, чёрная, под одеяльцем мокрого снега, сидела смирно. Умно рассматривала людей, отводила голову от ручонки мальчишки, трясла ушами: не время для игр.

Не веря в беду, медленно и одиноко посередине улицы Чифирик шёл к людям. Свиридовна не ведала о помолвке, поэтому шёпотом, в сердцах и выдала по-бабьи:

– Рак у Зинки был. Всё не верила, что помрёт. Хворь надсадную придумала. За полгода истаяла свечой...

Не заходя в дом, Чифирик медленно побрёл дальше. Миновал кладбище, перебрёл сухую протоку. Ноги сами вывели на агробазу в конюховскую. От старых поленьев он нащипал ножом лучины, растопил железную печь. За незастеклёнными окнами густо роился снегопад: на подоконнике снежинки таяли от идущего из помещения печного жара. Обнаружил Чифирик с собой и рюкзак, в котором привёз он из Томтора десяток солёных харюзов и пару замороженных для строганины увесистых чиров, купил он в Томторе для притирик и спирта бутылку. Степан помог, со склада, где в ящиках хранилась и «Московская», бутылки в толстой плотной пыли от времени.

На старом ящике Чифирик разостлал полотенце, которое дала Зинаида в дорогу. В конюховке стакан всегда на столе. Стакан он чисто протёр снегом, краем полотенца высветлил стекло.

Снег прекратился только под утро, и ударил крепкий мороз.

Жизнь на земле продолжалась. Днём светило солнце, ночами лошади ходили в посёлок подальше от обезлюдившей агробазы. Жизнь на земле продолжалась. Только не было в этой жизни Чифирка – Кондрата Фомича Фролова.